

*Курсантам Советского Союза
посвящается!*

Стребков Евгений Николаевич

ШКОЛА
ОТВАГИ
И МУЖЕСТВА

Евгений Николаевич Стребков

Школа отваги и мужества. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69451180
SelfPub; 2023*

Аннотация

Прошло почти полвека, как я впервые переступил порог Ленинградского высшего артиллерийского командного училища. И чем старше становлюсь, тем дороже воспоминания о годах, проведенных в его стенах. Уже давно нет этого уникального военного заведения, имевшего старинные традиции, громадную учебно-материальную базу, прекрасный профессорско-преподавательский состав, но до сих пор, когда бываешь в Санкт-Петербурге, нет-нет, да и потянет на Московский проспект 17. Задрожит сердце при виде старинного здания, где сопливых юнцов за четыре года превращали в офицеров-артиллеристов, закладывая крепкий фундамент на всю оставшуюся жизнь. Для всех, кто был курсантом этого учебного заведения, ЛВАКУ навсегда останется первой школой отваги и мужества.

Содержание

От автора	4
Часть 1.	8
Часть 2.	27
Часть 3.	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Евгений Стребков

Школа отваги и мужества. Книга 1

От автора

«ЛАУ – школу отваги и мужества,

Будем помнить всегда!»

(Из песни курсантов ЛВАКУ)

Прошло почти полвека, как я впервые переступил порог Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознамённого артиллерийского командного училища имени Красного Октября, сокращённо ЛВАКУ или, как называли его курсанты между собой ещё по прежнему наименованию – ЛАУ. И чем старше становлюсь, тем дороже воспоминания о годах, проведённых в его стенах. Уже давно нет этого уникального военного заведения, имевшего старинные традиции, громадную учебно-материальную базу, прекрасный профессорско-преподавательский состав, готовивший для Вооружённых Сил СССР не только офицеров-огневи́ков, но и офи-

церов артиллерийской разведки. Может быть поэтому, оно одним из первых было уничтожено после развала Советского Союза, как, впрочем, и всё, что составляло могущество нашей страны. До сих пор, когда бываешь в Санкт-Петербурге, нет-нет, да и потянет на Московский проспект семнадцать. Замрёт сердце при виде старинного здания, где сопливых юнцов за четыре года превращали в грамотных офицеров-артиллеристов, закладывая крепкий фундамент на всю оставшуюся жизнь. Для всех, кто был курсантом этого учебного заведения, ЛАУ навсегда останется первой школой отваги и мужества.

Большое спасибо моей маме – Стребковой Людмиле Николаевне, за поддержку в написании данного произведения; моим братьям Стребкову Валерию Николаевичу и Николаю Николаевичу, а также Синягину Дмитрию Владимировичу за помощь в работе.

В своем повествовании я несколько изменил фамилии и имена, чтобы ни в коем случае не обидеть кого бы то ни было неловким словом или выражением. Надеюсь, если мои воспоминания будут читать те, с кем мне посчастливилось учиться в ЛАУ, то, может быть, они узнают в моих героях своих друзей или себя. Любые совпадения является случайными.

Честь имею!

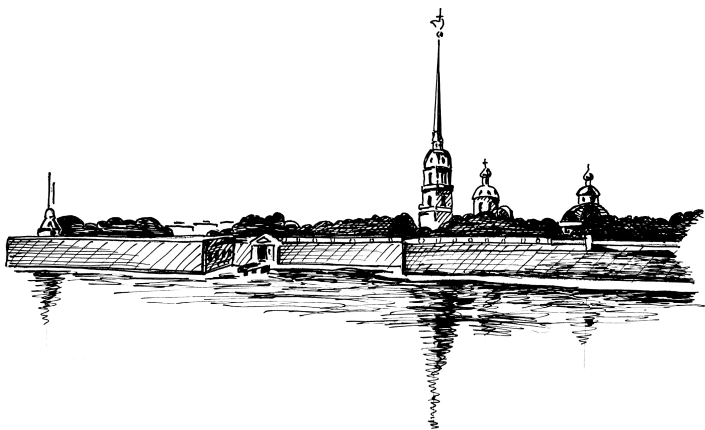
A stylized, handwritten signature in black ink. The signature is enclosed within a large, roughly oval loop. The central part of the signature consists of several overlapping, cursive strokes that form a monogram. A long, sweeping stroke extends from the right side of the main loop, ending in a small hook.

Полковник Е.Н. Стребков

Часть 1.

Город над вольной Невой

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала:
А куда ж ты, паренек? А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, да в солдаты!*
(Демьян Бедный)

Высокий, худощавый, молодой человек, с коротко подстриженными русыми волосами, одетый в простенький спортивный костюм, прищурившись от бывшего снаружи света, на миг остановился у открытой двери вагона. Донеслась знакомая мелодия: «Город над вольной Невой, город нашей славы трудовой, слушай, Ленинград, я тебе спою, задушевную песню свою...»

– Ну, что смотришь! Шагай! – сказала проводница, указав рукой на перрон. Затем, улыбнувшись, добавила:

– Удачи тебе, паренёк!

Николай поправил рюкзак.

– Спасибо! – и, сделав шаг из тёмного, душного тамбура, оказался на залитом солнцем перроне. Пошёл, повинуясь движению людского потока, лавируя между выходящими из вагонов пассажирами, чемоданами, сумками и узлами. Московский вокзал навалился на него суею толпы, носильщиками, с криком «Поберегись!» толкающими тележки, длинными очередями на такси и крепкими мужиками, таинственно шепчущими: «Гражданин, гражданин, вам куда ехать?» Вокзал жил своей хлопотной жизнью, встречая и провожая поезда, безразлично смотря глазницами старинных окон на снующих мимо людей, у каждого из которых была своя жизнь, своя история, свой путь.

У выхода с перрона возле небольшого ларька с надписью «Союзпечать» Николай остановился и стал внимательно смотреть на проходящих мимо людей. Он искал в толпе своих товарищей, с которыми познакомился, когда получал в военкомате предписание для поступления в военное училище. Вчера, провожаемые родителями, они договорились, что раз едут в разных вагонах, встретиться на вокзале и уже дальше действовать вместе. Все ехали поступать в Ленинградское артиллерийское училище. Почему остальные выбрали это учебное заведение, Николай не знал, главным было то, что он выбрал его. Это была воля случая, как, впрочем, многое, а может и всё в нашей жизни.

Николай с детства мечтал стать военным и другого пути для себя не представлял. Может быть потому, что отец его,

майор внутренних войск, всегда был для него примером настоящего офицера. Может от того, что его дед прошёл две войны и в сорок седьмом году демобилизовался в звании старшего лейтенанта. Или от того, что был он от природы романтик, много читал, смотрел фильмы о людях, посвятивших себя великому делу – защите Родины. Ещё после восьмого класса сделал попытку поступить в Калининское суворовское училище. Но попытка оказалась неудачной. Не хватило знаний. Да и откуда они могли взяться, когда Николай, в связи с переводами отца по службе, сменил пять школ, все из которых были в глухих лесных поселках и лишь последняя в областном центре. Неудача с поступлением в суворовское училище не только не изменила его намерения, а лишь укрепила в вере, что он должен стать офицером. Юноша начал с усердием готовиться к поступлению. В двух последних классах, после уроков, не стесняясь, обращался к учителям за дополнительными занятиями, особенно по математике. После занятий, когда молодые люди его возраста встречались с девушками, он бежал в спортивную секцию на тренировку по боксу, стремясь и физически подготовить себя к военной жизни.

Однажды дед, в разговоре с внуком, спросил:

– Николай! Так ты окончательно решил стать офицером? Ведь всю жизнь придётся провести в сапогах и портупее, всю жизнь подчиняться!

– Да, дедушка, решил! – не сомневаясь, ответил Николай.

Дед прищурил глаз, затем медленно произнёс:

– Многие видят красивую военную форму, но не многие знают, как тяжело её носить!

Внимательно посмотрел на внука:

– А училище, куда поступать, выбрал?

Николай задумался.

Видя его замешательство, продолжил:

– Ты, внучок, подумай хорошенько, куда поступать! Надо не просто военным стать, а чтоб специальность была. Чтоб в случае чего на кусок хлеба и на гражданке мог заработать. Как отец, в конвойники (он так называл офицеров внутренних войск) не иди и в танкисты не ходи.

Дед смерил внука взглядом:

– Рост у тебя – не поместишься в танке, да и горят они! Не дай Бог! Я этого насмотрелся. А вот в инженерное, или в артиллерийское... Тут другое дело. Сам граф Лев Николаич Толстой артиллеристом был. Подумай!

Внук запомнил слова деда.

На зимних каникулах его и младшего брата отец впервые повёз посмотреть Ленинград. Как то, проходя по Московскому проспекту в сторону Фонтанки, Николай обратил внимание на красивое здание с белыми колоннами и головами львов на фасаде. У парадного входа на небольших постаменах стояли четыре пушки времен войны тысяча восемьсот двенадцатого года. Вдвоем с братом осмотрели и потрогали пушки, подошли к входу.

– Ленинградское высшее артиллерийское командное училище имени Красного Октября – прочитал Николай на каменной плите, прикрепленной к стене.

– Здесь в тысяча девятьсот восемнадцатом году учился, – также начал читать брат на другой табличке, – а в тысяча девятьсот тридцать четвёртом – тысяча девятьсот тридцать шестом годах командовал училищем выдающийся советский военачальник Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов.

Юноша подошёл к брату. Внимательно посмотрел на табличку с барельефом маршала и повернулся к отцу:

– Папа! Я буду учиться здесь!

Тот улыбнулся:

– Что ж, достойный выбор. Только чтоб здесь учиться, сын, сюда ещё поступить нужно. А это дело не лёгкое. К сожалению, мы с матерью ничем помочь тебе не сможем.

– Я буду учиться здесь! – твердо сказал юноша, а затем, немного помолчав, добавил – Я постараюсь!

Поэтому, когда военрук в школе принес разнарядку, Николай, не сомневаясь, выбрал именно это училище.

Был, однако, один неприятный случай, который мог бы помешать поступлению. На врачебной комиссии, где мальчиков приписывали к родам войск, женщина – медицинский начальник, подводя итог, посмотрела на Николая и голосом, не терпящим возражения, сказала, как отрезала:

– Вы, молодой человек, приписываетесь в стройбат!

Он сразу не понял, а когда дошёл смысл её слов, кровь прилила к голове.

– Почему в стройбат?! – спросил он тихо.

– Всё, проходи! – не обращая внимания на его вопрос, резко сказала она.

Николай в одних трусах стоял перед столом, где сидели члены комиссии и не двигался с места.

– Я тебе, что!? Непонятно сказала!?

Ребята, стоявшие за ним, притихли. Николай собрался с духом и, подбирая слова, вновь тихо спросил:

– Извините! Почему в стройбат? Я, что – больной?

Женщина начала терять терпение:

– Ты, что?! Думаешь, в стройбате только больные служат?! Там и здоровые должны быть! Будешь служить как миленький! А то все десантниками, да моряками хотят быть! Надо кому-то и строить!

– Ладно, Колюха, не быкуй! Не всё ли равно! – сказал кто-то из ребят сзади.

Но Николай не услышал его и вновь тихо, но твердо произнёс:

– Если бы я хотел строить, я бы пошёл в строительный институт!

Видимо у неё была какая-то разнарядка, а может просто не понравилось, что какой-то сопляк смеет ей перечить и она начала уже срывающимся голосом:

– Я что тебе сказала...

Но тут, сидевший рядом с ней мужчина в белом халате, под которым угадывалась военная форма, остановил её, осторожно дотронувшись до плеча.

– Одну минуту, коллега! – и обращаясь к Николаю, – Вы, юноша бледный, со взором горящим, наверно в военное училище собирались поступать? Так?

– Да! – с вызовом ответил мальчик.

Мужчина повернулся к женщине-врачу, что-то ей тихо сказал, затем к Николаю и резко:

– Так, что вы нам тут голову морочите! Так бы и сказали, что собираетесь поступать в военный ВУЗ!

Затем уже мягче:

– Всё, идите! Не мешайте работать!

– Здорóво, Колюха! – крикнули сзади, ударив Николая по плечу.

Резко повернувшись, увидел улыбающегося Серёгу, крепкого конопатого юношу, с которым ехал поступать в училище.

– Давно ждёшь!?

Николай не успел ответить, как дружок достал пачку сигарет:

– Во-о, пока ты ротом мух ловишь, я уже курева купил!

Через несколько секунд к ним присоединились ещё четверо парней. Сергей с шиком открыл пачку «Космоса»:

– Ну, что, мужики? Перекурим и пойдем?

Двое из ребят потянулись к пачке. Взяли по сигаретке. Закурили.

– Не-е! – затаившись, сказал один из них, – В училище мы ещё успеем! Давайте, пойдём, пока есть время, Ленинград посмотрим. А то, когда ещё получится. Запрут в училище и не увидишь ничего!

– Верно! – согласились все. Сказано-сделано. Сдав вещи в камеру хранения, ребята двинулись в город. Перешли Лиговский, пропустив трамвай, издавший резкий звонок, когда ребята попытались перед ним перебежать. Дальше к круглому зданию метро «Площадь восстания» и по Невскому проспекту, ориентируясь на золоченый шпиль Адмиралтейства. Были они молоды, полны энергии и юношеской романтики. Только вчера сидели за партами, сдавали выпускные экзамены, опекались родителями и учителями, а сегодня самостоятельные, взрослые, как им казалось, приехали поступать в одно из старейших училищ страны. Да ещё, в какой город! Город-музей! Город – революционной и боевой славы! Город – выдержавший блокаду и не сдавшийся на милость врагам! Одним словом – Город-Герой Ленинград! От всего этого приятно щекотало внутри и кружилась голова.

Над каналами, где на зеркальной глади замерли лодки, и, политым водой асфальтом, клубилась легкая голубая дымка, превращая всё в нереальность. Казалось, что мальчишки попали в прекрасную сказку. Чем дальше от вокзала, тем меньше становилось на улицах машин. Было летнее суббот-

нее утро, город медленно просыпался после трудовой недели. Редкие прохожие, снисходительно улыбались: «Провинция приехала Питер покорять! Ну! Ну!»

На Аничковом мосту ребята задержались, рассматривая и обсуждая статуи умиряемых коней, и, пройдя дальше, остановились напротив Гостиного двора.

– Мужики, давай перекурим! – предложил Серёга.

Двое из юношей вновь потянулись к протянутой пачке сигарет. Остальные ждали, болтая об увиденном.

– А у меня семечки есть! – вдруг воскликнул Лёшка.

– Чего ж ты!? Давай угощай! – загалдели все.

Алексей отсыпал каждому по горсти и ребята с наслаждением принялись грызть, сплевывая шелуху на асфальт, с шумом продолжая беседу.

– Молодые люди! Здравствуйте! – раздался негромкий женский голос.

Ребята повернулись и замерли. На них смотрела ещё не старая женщина, одетая в длинное платье, вязаную светлую кофту и белый берет. На носу красовались старомодные круглые очки. Волосы, почти седые, были аккуратно убраны. Вся она, какая-то маленькая и воздушная, напоминала добрую волшебницу из старинной сказки.

– Здравствуйте! – повторила она.

– Здравствуйте, тётенька! – ответили ребята.

– Я смотрю, вы не Ленинградцы?

– Да-а! – за всех ответил Сергей.

– В институт приехали поступать?

– Не-е-а! В военное училище!

– Это в какое?

– Да-а, в артиллерийское, на Фонтанке!

– Молодцы! Я и смотрю, что вы ребята хорошие! – она обвела их взглядом, – Только не обижайтесь! Послушайте моего совета!

Ребята притихли, а женщина продолжила:

– Ленинград – это особый город. Нет такого больше нигде, и жители относятся к нему бережно: не сорят и семечки не грызут. Вы, если приехали в Ленинград, не мусорьте, пожалуйста! Берегите город, в котором учиться будете! Лучше пирожок скушайте, а семечки в нашем городе не грызут!

– Извините, тётенька, мы не знали! – смущаясь, ответили ребята и дружно, подойдя к ближайшей урне, высыпали в неё семечки.

Когда они повернулись, женщины не было, словно она растаяла в утренней дымке, а может, зашла под арку в ближайший двор-колодец. Скоро ребята забыли о ней, но её слова навсегда врезались в память.

Долго ещё бродили они по Ленинграду, побывали на Дворцовой площади, на Стрелке Васильевского острова, прошли через Петропавловскую крепость, дошли до Авроры. Ели мороженое, покупая его у торговки, стоявших с тележками под зонтиками. Пили газировку из автоматов «Соки-воды» с одним граненым стаканом на всех, который, при

нажатию на подставку, где он стоял, тут же ополаскивался водой. В четыре часа дня, забрав вещи и изрядно сбив ноги, вышли из станции метро Технологический институт.

– Мужики! – сказал Сергей, – Вам жрать не хочется? А то сёдня, наверно, килограмм мороженного съели и больше ничего. Я бы чего-нибудь кинул в живот! А вы?

– Да, мо-ожно! Только у меня ещё есть еда, которую мамка положила перед отъездом! – ответил Игорь.

– И у меня мама пирожков в дорогу напекла! – поддержал его Лёшка.

– Это хорошо, – сказал Сергей, – Но надо будет ещё и на ужин что-то перекусить, а может быть и на завтрак!

Он показал на другую сторону Московского проспекта, – Вон, глядите – «Пышечная»! Вы когда-нибудь пышки ели? А вообще, знаете, что это такое?

Все молчали.

– У меня бабушка пышки пекла, – начал Николай, – Круглые такие, как небольшой каравай! Вкуснотища!

– Всё! Решено! – перебил его Сергей, – Идем, пышки лопать! Сравнишь, какие вкуснее!

В пышечной до десятка ребят их возраста стояли за круглыми столами. На длинной стойке притягивал взгляд противень с пухлыми и румяными, как баранки, пирожками, обсыпанными сахарной пудрой. Рядом возвышались две большие круглые, блестящие емкости с краниками. За стойкой находилась толстая тётка в белом халате и смешном колпаке.

Слева от неё за кассовым аппаратом сидела ещё одна, тоже вся в белом.

– Нам пышек, пожалста! – бодро сказал Серёга.

– Сколько? – равнодушно бросила продавщица.

Юноша немного растерялся, но стоявший сзади Лёшка поддержал друга:

– Каждому по пять штук!

Женщина окинула ребят взглядом. Отточенным движением положила в тарелки по пять пышек и, поставив каждую на весы, что-то сказала, сидевшей за кассой.

– Кофе или чай сами нальёте, там подписано! – проговорила она автоматически и уже обращалась к следующим покупателям.

Налили кофе (молочно-коричневатую сладкую жидкость, которая оказалась неожиданно вкусной). Рассчитались, заплатив каждый за себя, отсчитав по пятнадцать копеек за пышки и по десять за кофе.

– Так вот вы, какие пышечки! – сказал Сергей, когда все разместились за одним круглым столом, полностью заставив его тарелками и гранеными стаканами с кофе, – А ты, Колюха, говорил, как карава-аи! Деревня ты!

Увидев, что ребята за соседним столом едят пышки руками, прихватывая их кусочками резаной бумаги, в большом количестве торчавшей из стаканчиков, стоявших тут же на столах, принялись за еду (пышки оказались очень вкусными и сытными).

– Наверно мало взяли! – вздохнул Сергей, прожевывая первую и запивая ее кофе.

Никто ему не ответил, все с удовольствием были поглощены едой.

Подходя к училищу, ещё издали увидели толпящихся на тротуаре людей. За несколько десятков метров до толпы, внимание Николая привлек зеленый дворик, огороженный чёрной якорной цепью, прикованной к низеньким гранитным столбикам. В глубине его во всю стену многоэтажного здания красовалась периодическая таблица Менделеева. В центре дворика возвышалась статуя, какого-то сидящего человека (как потом узнал Николай – это был памятник Менделееву).

– Чего замер! – крикнули ребята, – Догоняй!

У ворот училища, сделанных из кованного металлического прута в виде пик с наконечниками и украшенных в центре перекрещенными золотыми пушками, родители давали последние наказы своим детям. Несколько ребят в гражданской одежде и военной форме, даже один морячок в бескозырке, обнявшись с девушками, стояли в стороне под деревьями. Особенно Николая поразило то, что на удалении от всех, под большими тополями, две мамы, достав торбочки с едой, кормили своих семнадцатилетних дитяток, а те торопясь, уплетали домашние котлетки за обе щеки. На всё это с высоты ступенек КПП*, облокотившись на металлический

поручень, с чувством превосходства бывалого вояки, наблюдал загорелый курсант в парадной форме, в лихо сдвинутой на затылок фуражке, и начищенных до зеркального блеска глаженных сапогах. На плечах, отливая на черном бархате золотом полосок, красовались погоны с буквой «К», на поясе грозно висел штык-нож – знак, что он находится при исполнении, а на рукаве гордо желтели три нашивки.

– Мы..., это...! – путаясь, обратился к курсанту Сергей, когда они подошли к ступенькам КПП.

Тот, медленно повернул к ним голову и, глядя сверху вниз, голосом, в который вложил всю важность своего положения, не спеша произнес:

– Предписание!

Ребята торопясь достали документы и протянули ему. Курсант, не удосужив своим вниманием протянутые бумаги и даже не взглянув в них, бросил:

– Проходите! Там спросите, где приёмная комиссия!

Оказавшись внутри училища, ребята остановились. Прямо перед ними на спортивном городке двое курсантов, одетых только в военные брюки и сапоги ловко жонглировали черными гирями, ещё двое занимались на перекладине и брусьях. Под их загорелой кожей буграми играли мышцы. С два десятка ребят в спортивных костюмах, сидя на наклонных гимнастических досках, с интересом наблюдали за ними.

– Ничего особенного! Мы тоже такими будем! – сказал

Сергей, – Пошли искать приёмную!

И они двинулись дальше.

– А это, что за башня такая? – показал Николай на строение из красного кирпича в виде старинной башни (потом он узнал, что это было обыкновенное отхожее место).

– Вы, что ищете? – строго спросил подошедший офицер, – Приёмную комиссию?

– Да! – вновь за всех ответил Серёга.

Офицер показал рукой в сторону видневшегося входа.

– Зайдёте в Голубой коридор... – начал он, затем поморщился, – Короче! Вход видите!?

– Да! – дружно ответили все.

– Вам туда! Там найдёте! – посмотрел на ребят и добавил, – По училищу не болтайте!

Войдя в дверь и, немного пройдя, ребята оказались, и в самом деле, в арочном коридоре, выложенном голубой плиткой. Как позже узнал Николай, этот коридор назывался «Голубой» или «Банный». «Голубой» – понятно, по цвету (в то время прекрасный голубой цвет ещё не был испоганен представителями сексуальных меньшинств), а «Банный» – оттого, что в былые времена, когда училище носило имя «Константиновское», господа юнкера изволили здесь мыться. Сейчас же в нём располагались учебные классы, а мылись курсанты в городе, в бане (не господа!).

– В приёмную комиссию? – спросил парнишка в спортивном трико с красной повязкой на рукаве и, не дожидаясь от-

вета, показал рукой на дверь, – Здесь! Проходите!

Это был обычный класс, со сдвинутыми в сторону столами, с грифельной доской на стене, у которой за столом сидел скучающий прапорщик. В углу на стуле, прикрыв глаза, дремал маленький юноша в сером пиджаке, надетом на спортивный костюм, и тоже с красной повязкой.

– Документы давайте! – устало сказал прапорщик.

Посмотрев бумаги, поднял глаза:

– Чего поздно так!?

– Дык! Поезд... – начал было Серега.

– Молчать!!! – рявкнул прапорщик.

Ребята от неожиданности втянули головы в плечи, а парень, до этого дремавший, от испуга чуть не свалился со стула.

– Знаю я ваш поезд! По-оезд! По Питеру, небось, шлялись, как собаки с вытянутыми языками? Приключений на свою задницу искали?! Та-ак!?

Ребята молчали.

– Так?! Я, вас спрашиваю!

– Угу! – промямлил Серега.

– Не «угу», а «так точно!» Привыкайте человеческим языком разговаривать! Сиди здесь! Жди всяких оболтусов, пока они, видите ли, соизволят красотоми Ленинграда налюбоваться!

Он замолчал. Посмотрел документы, сделал запись у себя в журнале и уже спокойно, обращаясь к сидящему в углу

юноше произнёс:

– Абитуриент! Отведешь этих оболтусов в первую батарею в третий взвод! Понял? Повторить приказание!

Мальчишка вскочил, вытянулся и прокричал:

– Есть! Отвести этих оболтусов в первую батарею третий взвод!

В коридоре Николай спросил:

– Слышь, пацан!? Это кто такой нервный?

– Да-а! Не обращайтесь внимания! – махнул тот рукой – Прапор выделяется от безделья! Говорит: «Пусть сразу привыкают, так мамины пирожки быстрее выскочат!»

– А ты чего с повязкой?

Он вновь махнул рукой и с горечью в голосе ответил:

– Да мы, как придурки утром приперлись, вот нас сразу – кого в наряд по батарее, а кого посыльными поставили! Лучше бы, как вы – по городу погуляли!

По узкой лестнице поднялись на второй этаж и оказались в длинном, широком, светлом коридоре с блестящим, как зеркало паркетным полом, который беспрестанно, словно танцуя, натирали два юноши тоже с красными повязками.

– Нам хоть повезло, – продолжил парнишка, который их сопровождал, – А кто в наряде по батарее, вон как паркет дряят, да ещё и толчок чистят! Идите вдоль стенки, не пачкайте!

Николай шёл и думал:

– А ведь прапорщик прав! Ещё вчера он был дома, где так надёжно и спокойно. А здесь! Что ждёт впереди? Надо быстрее привыкать к новой жизни – более суровой, где не будет ни мамы, ни папы и ты должен будешь сам, только сам постоять за себя, сам принимать решения и отвечать за свои поступки!

Стало немного грустно.

Часть 2.

Абитура

***Абитуриент** (от лат. abiturіens, abiturіentіs – собирающийся уходить; или от abiturus – тот, кто должен уйти) – Выпускник средней школы. В большинстве стран лицо, заканчивающее среднее учебное заведение, держащее выпускные испытания или получившее абиту́р – аттестат зрелости.*

В СССР с 1950-х годов (а затем и на постсоветском пространстве) термин получил другое значение – лицо, поступающее в среднее специальное или высшее учебное заведение.

В казарме, большом помещении человек на сто пятьдесят, после светлого коридора стоял полумрак. На табуретах, приставленных к железным двухъярусным кроватям, между которыми одна на одной возвышались тумбочки, а проходы были заставлены сумками, рюкзаками и баулами*, сидели молодые парни. Кто читал, кто тихо разговаривал между собой, а некоторые, сгруппировавшись в кружок, уничтожали домашние запасы пирожков, бутербродов и другой всячины. Среди гражданской одежды, спортивных костюмов виднелась и военная форма. У настежь раскрытых высоких окон, из которых доносился шорох листвы, гул проезжающих машин и неразборчивая речь, на подоконниках сидело несколько ребят. В дальнем углу звучала расстроенная гитара и юношеский, срывающийся голос пел песню о девчонке, не до-

ждавшейся парня из Армии.

Всё это мало походило на воинскую казарму, которую видел Николай, когда бывал у отца на службе.

Исполняющим обязанности заместителя командира третьего взвода, оказался черноусый сержант из войск. Он был старше ребят, стоявших перед ним, всего года на два, но выглядел бывалым воином.

Внимательно выслушав посыльного, замкомвзвод не спеша записал фамилии в небольшую книжечку и, повернувшись, крикнул:

– Лизунов! Подойдите ко мне!

Появился молодой рыжий солдат с одной лычкой* на погонах.

– Я, товарищ сержант! – лихо бросил он руку к пилотке.

– Эти – в твоё отделение! Покажешь кровати! Введёшь в курс дела, что можно, что нельзя! Понятно?

– Так точно!

Повернулся к притихшим ребятам.

– Постельное бельё получите в каптёрке! Построение на ужин в коридоре в двадцать часов. В столовой сегодня только чай, поэтому питаетесь своим. На довольствии с завтрашнего дня. Всё только по команде. На построения не опаздывать и на кроватях не валяться, иначе туалет будете драить! Более подробно товарищ ефрейтор расскажет! – сделал паузу, – Кому, что не понятно?

Ребята молчали.

– Молчите?! Значит, всё поняли! – и, обнажив в улыбке крепкие белые зубы, добавил, – Или ничего не поняли?!

От массы впечатлений, голова к вечеру кружилась и немного болела. Поэтому после вечерней поверки, больше напоминавшей переключку, Николай лёг в кровать, и сразу уснул, словно провалился в бездну. Сны не снились и, когда до слуха донеслось: «Батарея! Подъём! Выходи строиться в коридор!», он не сразу понял, где находится и что ночь закончилась.

После завтрака, на котором в основном доедали домашнюю еду, сдали вещи в каптёрку. Затем построились и двинулись в сторону плаца. Строй, если это можно было так назвать, больше напоминал колонну военнопленных, чем воинское подразделение. Прошли через узкую и низкую арку, где на одной стене Николай заметил едва приметную дверь, а у другой место для зарядания оружия, он видел такое в воинской части у отца. Вышли на широкий плац, расположенный в середине громадного старинного здания. В центре возвышалась трибуна. По краям – зеркала со стендами, на которых, аккуратно нарисованные военнослужащие в курсантских погонах, выполняли элементы строевой подготовки. Половину плаца занимали юноши, в основном, в спортивной одежде, стоявшие повзводно. Гул голосов, отражаясь от высоких стен, мерно перекачивался над строем.

– Говорят, конкурс в этом году большой! – зашептал Сергей в самое ухо Николаю.

– Почему?

– Говорят, и так было человек по пять на место! – вновь шёпотом сказал он, – Суворовцы вне конкурса! Ну, эти ладно, два года пыхтели в суворовских училищах, чтоб потом в военное поступить без экзаменов, ну и, конечно, блатняк*, без этого никуда, а вон, видишь?...

Сергей дотронулся до плеча Николая и показал в сторону. Там, слева, у самой арки стоял строй смуглых ребят кавказской наружности в форме. Николай видел их во время завтрака, но принял за суворовцев. Сергей вновь зашептал:

– Увидел? Грузины из школы Леселидзе*. Тоже, говорят,

...

– Равня-яйсь! Сми-ирно! – разнеслось над плацом.

Все замерли. Гул постепенно стих. Дождавшись, когда наступит тишина, офицер на трибуне, склонился к микрофону:

– Вольно-о!

Сделал паузу. Стояла тишина.

– Вы прибыли для поступления в Ленинградское высшее артиллерийское командное училище! – загремел голос, усиленный динамиками, – С сегодняшнего дня вы все являетесь абитуриентами. Офицеры-командиры взводов доведут до вас требования к абитуриентам и порядок сдачи экзаменов.

Хотя Бог Николая ростом и не обделил, многие абитури-

енты были ещё выше, поэтому, в строю он стоял только в третьей шеренге.

Чеканя шаг, перед строем вышел высокий, смуглый офицер с волевым подбородком и острыми карими глазами. Подогнанная и отутюженная форма сидела прекрасно. Немного портили его слегка оттопыренные уши. Офицер внимательно окинул всех взглядом, как бы запоминая и, хорошо поставленным голосом, произнёс:

– На время пока вы сдаёте экзамены, я ваш командир взвода – старший лейтенант Чибисов Вячеслав Михайлович! Заместителя командира взвода и командиров отделений вы уже знаете!

Он вновь внимательно осмотрел строй.

– Я не буду вам долго рассказывать! Вы все прибыли сюда добровольно, с одной целью – поступить в училище! Кто с другой – освободите место, не мешайте!

Сделал паузу. Николаю вдруг показалось, что сейчас кто-нибудь выкрикнет: «Да, я прибыл сюда с другой целью!» Но строй молчал. Чибисов, между тем, продолжал:

– Запомните: покидать территорию училища запрещено; куда бы вы ни отлучались, даже в туалет, – только с разрешения своего командира отделения; самоподготовка в классе; в казарме должен быть порядок!..

Класс самоподготовки оказался в «Банном» коридоре. Не успели в него войти, как по три человека от каждого отделе-

ния во главе с командирами, замкомвзвод отправил в казарму для наведения порядка. Из их отделения ефрейтор Лизунов назначил Николая, Серёгу и Лёшку. Наверно, как позже всех прибывших вчера в училище. В казарме подметали, равняли кровати, тумбочки, табуреты. Вытаскивали остатки еды из тумбочек и из-под подушек. Натирали пол. Ефрейтор показал, как выравнивать всё «по ниточке». «По ниточке» оказалось не в переносном смысле, а именно – с помощью обычной нитки. Двое ребят, теперь уже именовавшихся иностранным словом «абитуриент», натянули нить и держали её у крайних кроватей, а другие равняли все остальные по ней. Так же выровняли тумбочки и табуреты. Когда казарма приняла облик не ночлежки, а того воинского помещения каким и должна быть, со двора училища раздался шум. Все кинулись к окнам. Через открытые ворота на территорию училища входили строи курсантов в колонну по три. Фуражки лихо сдвинуты на затылок. На запылившемся и выгоревшем полушерстяном обмундировании золотом блестели полоски и буквы «К». За спиной выпцветшие вещмешки с одинаково притороченными к ним скатками шинелей. На боку офицерские полевые сумки. На почерневших от солнца лицах сияли улыбки. Вот, идущий в середине строя курсант, поднял голову. Увидел высунувшихся в окно ребят и, помахав рукой, весело крикнул:

– Привет, абитура! Привет, училище!

И через мгновение уже весь строй махал руками и гудел:

– Привет училище! Привет ЛАУ!

Никто из офицеров, ведущих строй, не делал замечаний. Они тоже улыбались.

– Выпускники из Луги после Госов* возвращаются! – с видом знатока проговорил ефрейтор Лизунов. Вдохнул как-то глубоко, по-бабьи, и продолжил, – Счастливые, скоро выпуск! А нам, если поступим, ещё четыре года корячиться!

– А когда у них выпуск? – поинтересовался Николай.

– В воскресенье, по-моему, а сейчас «золотая неделя» – ответил ефрейтор.

– А это, что такое?

Лизунов загадочно улыбнулся:

– Эх ты-ы! Сала-ага! Ничего не знаешь! Это когда они ещё не офицеры, но уже и не курсанты. Документы на подписи у Министра Обороны лежат, никто их обратно не заберёт. Поэтому выпускники и гуляют целую неделю, отрываются. Как говорится: дальше Кушки* не пошлют, меньше взвода не дадут! Их даже патруль не трогает!

И, прищулив глаза, с наслаждением добавил:

– Э-эх! Красотища!

Тогда ещё никто не знал, что скоро, это выражение, произнесённое ефрейтором про «Кушку» и «взвод», потеряет актуальность, так как начнётся война в Афганистане*, и в армейской среде будет бытовать уже другое выражение: «Послать за речку», то есть послать за реку Амударья в Афганистан.

После обеда к ним в класс самоподготовки по-хозяйски зашел высокий, крепкий военный в новеньком, наглаженном офицерском ПШ*, хрустящей портупее* и начищенных до блеска хромовых сапогах. Над воротником, с небрежно растегнутым крючком, сияя девственной белизной, выглядывала полоска идеально подшитого подворотничка. Этого молодого человека можно было принять за офицера, если бы не выгоревшие курсантские погоны.

В классе притихли, догадавшись, что это выпускник и просто так в класс он не зашёл. Курсант окинул взглядом абитуриентов и, обращаясь к сержанту, сидящему за столом преподавателя, пробасил:

– Слышь, браток, дай десяток крепких парнишек, вещички до такси дотащить!

Сержант внимательно посмотрел на вошедшего, немного помолчал, что-то прикидывая и, не заглядывая в список, назвал фамилии десяти человек. Конечно же, Николай с Серёгой оказались в числе названных, видимо их фамилии были ещё на слуху у сержанта...

В казарме на втором этаже соседнего здания, куда привел их курсант, царил кавардак. От паркета пахло свежей мастикой, в воздухе витал запах ваксы, новой одежды, кожи и одеколona. Выпускники, кто голый по пояс, кто в одних трусах и тапочках пришивали на полушерстяную полевую офицер-

скую форму курсантские погоны, подворотнички, гладили, таскали какое-то имущество. Кровати и табуреты были завалены вещами. На полу стояли огромные мешки, похожие на те, в которых Солоха из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» прятала своих ухажёров. В казарме стоял шум, все были веселы.

– Мужики! – крикнул с порога, приведший их курсант, – Кому ещё вещи до такси нужно дотащить! Я помощников привёл!

К Николаю приблизился высокий сержант, тоже одетый в новенькое офицерское ПШ и полевую фуражку.

– Пошли, Пацан! Поможешь! – сказал он, смерив юношу взглядом.

Черный баул громадных размеров, к которому они подошли, казался очень тяжёлым, но сержант с легкостью поднял его с пола.

«А мешок-то не такой уж и тяжелый!» – подумал Николай, – «Вон как этот здоровяк его легко поднял! Зачем нас ещё сюда притащили! Сами бы могли дотащить! Выделяются просто!»

Его размышления прервал окрик сержанта:

– Ну, что замер, пацан! Бери! Да смотри, чтоб по полу не тащился, а то получишь у меня!

Николай схватился руками за верх баула и наклонился. «Ничего себе!» – чуть не вскрикнул он, когда выпускник взвалил ему груз на спину, – «А сержант-то и на самом деле

здоровый! Вон как поднял, этот чёртов мешок, словно пушинку!»

– Всё! Пошли, а то такси ждёт! – уже миролюбиво сказал сержант-выпускник, взяв в одну руку вешалку с новенькой формой цвета морской волны, а в другую парадную фуражку.

Когда за воротами мешок загрузили в багажник такси, а парадную форму выпускник бережно повесил в салон машины, он сунул Николаю в руку пятьдесят копеек.

– На, абитура, в чипке молочка попьёшь!

Засмеялся и, уже садясь в машину, добавил:

– Через четыре года сам такой будешь! Запомни!

Николай стоял и, смотря вслед удаляющемуся такси, думал: «Неужели всего через четыре года я тоже буду такой же сильный и уверенный в себе, как этот выпускник. Неужели я стану офицером!»

Первым был экзамен по математике. Он проводился в два этапа. В первый день – письменный, во второй – устный. Николай боялся его больше всего, особенно устной части. Конечно, были ещё и сочинение, и физика, и сдача нормативов по физкультуре с медкомиссией. Но экзамена по математике он боялся и очень переживал. А тут ещё вечером на самоподготовке командир взвода на заданный ему вопрос:

– Какой конкурс сейчас в училище?

С улыбочкой ответил:

– Сейчас человек восемь или десять на место, но это не имеет значения, потому что после математики, останется человека два на место, а может быть и недобор!

Он сделал паузу и уже серьёзно добавил:

– Поэтому, вы сейчас не количество человек на место высчитывайте, а готовьтесь к завтрашнему экзамену. Как говорится, бой покажет, кто останется, а кто домой поедет!»

Экзамен проводился в столовой. Абитуриентов рассадил за отдельные столы. Раздали задания. Николай так волновался, что первую минуту не мог понять, что написано на листах. Буквы и цифры плыли перед глазами, голова кружилась. Он посмотрел по сторонам. Вокруг ребята, склонившись над листами, что-то с усердием, писали.

– А-а, была, не была! – подумал Николай, – Ведь не расстреляют, если не сдам! Домой приеду, мама только рада будет! Буду в политех* поступать!

Сразу стало легче, голова перестала кружиться, а буквы и цифры, встали по местам. Юноша внимательно посмотрел на них и вдруг понял, что только вчера вечером, пришедший к ним на консультацию преподаватель с аккуратной бородкой, разбирал аналогичные задания.

Не без труда, решив задачи на черновиках, Николай начал переписывать их на чистовик.

– Та-ак, молодец! – услышал он подбадрывающий сверху голос. Поднял голову и увидел бородатого преподавателя.

– Продолжай! – сказал тот и пошёл дальше вдоль ряда, заглядывая в листы абитуриентов. Когда он отошёл на почти-тельное расстояние, до Николая сзади донёсся шепот:

– Колька! Колька! Спасай! Тону!

Николай осторожно обернулся.

– Я сейчас тебе свой листок передам... – продолжал шептать Серега.

– Абитуриенты! Оба встать!

Николай повернулся на звук голоса и сердце его остановилось. К ним приближался незнакомый капитан, показывая на них пальцем.

– Да, да! Я вам говорю, товарищи абитуриенты! Встать!!!

Николай и Серёга молча поднялись. Офицер подошел к ним, прожёл взглядом и строго сказал:

– Ещё одно замечание, и выгоню с экзамена к чёртовой матери!

До конца экзамена Николай не то, что не разговаривал, он боялся даже пошевелиться.

После обеда, в классе на самоподготовке, все обсуждали сдачу письменного экзамена, разбирали примеры, как будто завтра уже не будет устной части. Серега сидел рядом с Николаем и, опустив голову, с грустью повторял:

– Кругом одна задница! Всё неправильно решил! Вот ведь, задница! Не-ет, домой не поеду!

Николай, вначале попытался успокоить товарища, но ви-

дя, что тот, не обращая на него внимания, повторяет одно и то же, отстал и начал готовиться к завтрашнему дню. Сам же был почему-то уверен, что решил всё правильно, ведь не зря же «Борода» (он так называл про себя бородатого преподавателя, как потом оказалось, у него в училище между курсантами и было такое прозвище) проходя мимо него, сказал: «Молодец!».

Устный экзамен по математике взвод сдавал в классе, где они проводили самоподготовку. Для этого, накануне вечером целое отделение взвода наводило в нём порядок. Николай удивился, что на этот раз ни он, ни его товарищи не были задействованы. Видимо сержант посчитал, что они достаточно искупили вину за то, что поздно прибыли в училище.

В «Банном» коридоре у двери класса, где сдавали устную часть экзамена по математике, стояло два человека, остальные сидели в соседнем классе. Заместитель командира взвода, подойдя к доске, кнопкой приколол листок:

– Посмотрите, кто за кем идёт. Очередные двое стоят в коридоре!

Ребята столпились у списка, шумно ища свои фамилии.

– Та-ак, посмотрели и присели за парты, – громко сказал сержант, – Раскудахтались как в курятнике!

Побурчав, все разошлись по своим местам.

Николай сидел вместе с Сергеем. Он знал ещё с вечера,

когда на проверке сержант зачитывал очередность, что идёт двадцать девятым. Но всё же встал и, подойдя к листку, убедился, что в списке его фамилия Виноградов стоит под номером двадцать девять. Первые пять фамилий были аккуратно, по линейке, зачёркнуты замкомвзводом. «Это те, кто сейчас уже в классе «мучаются»!» – подумал юноша.

Сев за парту, взял учебник и стал читать. Как назло, ничего не лезло в голову. Посмотрел на Серегу. Тот, от усердия высунув кончик языка, рисовал на листке, довольно-таки сносно, смешных чертей с рогами и хвостами. Черти, держа в руках метлы, и что-то напоминающие вилы, гнали из распахнутых ворот, над которыми красовалась надпись «ЛВАКУ», несколько ушастых человечков.

– Ты чего это рисуешь? – спросил Николай.

Сергей нехотя оторвался от своего занятия. Со вчерашнего дня он был не похож на себя, мало говорил, всё больше о чём-то думал. Молодой человек криво улыбнулся и грустно ответил:

– Я изобразил, как черти погонят к чёртовой матери из училища меня и тех, кто экзамены не сдал!

– Да, откуда ты знаешь, может быть, и сдал!

– Не-е, я знаю! – подтвердил Сергей, и со вздохом добавил, – Э-эх, домой стыдно возвращаться!

– Раз стыдно, лучше бы не ныл, а чем чертей рисовать к экзамену бы готовился! – сказал разозлившийся на товарища Николай. Сергей отвернулся и продолжил своё творчество.

В классе, где сдавали экзамен, за столами находилось шесть абитуриентов. С одним за партой сидела женщина-преподаватель и, немного наклонив голову, внимательно слушала ответ. У доски, возле стола, на котором были разложены небольшие белые листочки, стоял «Борода». Николай в нерешительности остановился у двери.

– Смелее, молодой человек! Подходите к столу! Берите билет! – сухо произнёс педагог.

Подойдя, наугад взял белый листочек. Перевернул. На обратной стороне было написано задание.

– Будьте любезны, назовите номер!

Николай посмотрел вверх листка и ужаснулся. На него издевательски смотрела и, как показалось, улыбалась жирная цифра тринадцать.

– Ну, что же вы молчите!? Какой номер билета? – вновь спросил «Борода».

Николай сглотнул застрявшую в горле слюну и хрипло ответил:

– Т-трринадцать!

– Вот видите – счастливый билет! Вы от счастья даже голос потеряли! Прочитали задание? Всё понятно?

Николай молча кивнул, хотя не в состоянии был прочесть даже слово.

– Садитесь! Готовьтесь!

На удивление, когда, успокоившись, прочитал задание, ответ на первый и второй вопрос он знал. А вот третье задание?... Николай не то, что не знал на него ответа, он даже не понимал о чём речь. Но самое интересное, после того как он понял, что знает ответы на первые два вопроса, паника и страх исчезли. Решил – хорошенько подготовлюсь к первым вопросам, глядишь, и третий пронесёт. С усердием стал писать на листках всё, что знал по первым двум. Получилось

по целой странице.

– Ну-с, молодой человек! Готовы? – услышал он знакомый голос и понял, что «борода» обращается к нему.

Николай поднял голову:

– Да!

Немного помедлил и не так уверенно:

– Ну-у, почти! Еще чуть-чуть!

В глазах «Бороды» блеснули огоньки.

– Ничего, ничего! – ласково, как удав кролику, сказал преподаватель, – Присаживайтесь ко мне за стол! Посмотрим ваши «глубокие» знания!

Вспомнив наказ генерала Трофимова своему внуку из кинофильма «Офицеры» – не мямлить, а изъясняться по-военному, Николай принялся громко и чётко докладывать первый вопрос.

– Минуточку! – остановил его педагог, – Почерк у Вас хороший. Разрешите я сам прочитаю?

С этими словами он взял у юноши листок. Через некоторое время, отложив его в сторону, посмотрел на Николая:

– Ну, что ж, вижу, материал знаете!..

«Фу-у! Пронесло!» – мысленно обрадовался юноша.

... Так, так! – «Борода» слегка щелкнул пальцем по бумажке, где был написан вопрос под цифрой три, – А третий, что?! Не знаете?! Или забыли?!

«Не-ет! Не пронесло!» – мелькнуло в голове и в животе стало неприятно. Вслух же, стараясь придать голосу обиду,

он произнес:

– Почему не знаю?! Просто немного не успел, я же говорил!

– Извольте! Сейчас время есть, рассказывайте! – сказал «Борода».

Николай молчал.

– Ну-с, что же вы, молодой человек, это материал, который проходят ещё в шестом классе!

«Эх, ты, «Борода» – с грустью подумал Николай, – «Как раз в шестом классе я перешел из одной школы в другую, а материал этот, видимо, прошёл мимо меня!»

– Ну-с! Вы будете отвечать? Или не задерживайте других! Кладите листок на стол и выходите из класса! – раздражаясь, произнёс педагог.

– Вопрос номер три!.. – чётко выговаривая каждое слово, прочитал Николай и замолчал.

«Борода» выждал несколько секунд:

– Хорошо, молодой человек, поступим следующим образом!

Быстро написал на листке какой-то пример и нарисовал ось координат:

– Решите эту задачу и будем считать, что знаете материал, не решите, ну что ж, я не смогу Вам зачесть устный экзамен, потому что без этого раздела в математике учиться в Высшем учебном заведении Вам будет трудно! Как решите, позовёте!

С этими словами он встал и подсел за стол к соседнему абитуриенту.

«Вот и всё! Видимо, поеду домой!» – подумал юноша, посмотрев в листок, – «Мне эту задачу никогда не решить!» В памяти возник рисунок Сереги, где черти гнали из ЛАУ, провалившихся на экзамене. Впереди всех, оглядываясь назад, бежал он – Виноградов Коля. Стало одновременно и стыдно, и обидно. Какое-то время посидел, тупо смотря на бессмысленное нагромождение цифр в листе. Повернулся к окну. За ним, навевая ещё большую грусть, шёл дождь, барабанил по металлическим отливам. Справа и слева до Николая доносились приглушенные голоса абитуриентов, докладывавших преподавателям ответы на поставленные вопросы.

«Господи-и! Ну, если ты всё же есть! Ну, помоги-и решить эту задачу!» – мысленно взмолился юноша.

Дождь резко прекратился. Луч солнца, словно маленький прожектор, прорезал помещение, ударил в пол и заиграл, попавшими в него пылинками.

«Сиди, не сиди, всё равно ничего не высидишь! Надо говорить, что не могу решить эту задачу!» – обречённо решил Николай. Собрался встать, чтобы подойти к преподавателю и сдать. Опустил руки на колени и тут почувствовал, что под крышкой парты в ящике лежат какие-то бумаги. «Это, что за листы?» Осторожно, чтобы не заметили, вытащил на колени один из них. «О! Чудо!» – чуть не вскрикнул он. На

помятом листе, корявым почерком было написано решение задачи, которую задал ему «Борода». Видимо, преподаватель не ему первому предлагал её решить, а абитуриенты, ленясь или забывая, оставляли листы в парте. Николай, торопясь переписал решение, срисовал график и дрожащими руками вновь засунул листок в парту. «Так! Теперь надо разобраться, что здесь такое! А то препод спросит, а я ни в зуб ногой!» – уже спокойнее подумал он.

– Нуте-с! Как Ваши успехи, товарищ абитуриент! – спросил, подсаживаясь к нему «Борода».

«Вот ведь «редиска – не хороший человек»! Не дал даже, как следует разобраться в написанном! Что отвечать!?» – со злостью подумал Николай, но сам не спеша, ещё раз, вслух громко и уверенно начал читать задание.

– Тише! Тише! Молодой человек! Вы не на плацу! – поморщился «Борода», – Дайте-ка лучше его мне! Я посмотрю!

С этими словами он взял у Николая листок. «Слава те Господи!» – мысленно поблагодарил юноша.

– Ну, что ж! – кладя бумагу на стол, произнёс преподаватель, – Молодец! Видимо, переволновались немного! А в целом, молодец! Как Ваша фамилия?

– Виноградов! – не помня себя от счастья, почти крикнул Николай.

«Борода» поморщился:

– Да, не кричите Вы так, Виноградов! Всё! Идите! Идите! Не забудьте следующего позвать!

На плацу командир взвода зачитывал фамилии абитуриентов, не сдавших экзамен. Было тихо. Ребята, чьи фамилии называл офицер, молча выходили из строя и, повернувшись, замирали, опустив головы.

– Вылегжанин! – произнес взводный.

– Я! – крикнул Серега, стоявший во второй шеренге, и с силой хлопнул Николая по плечу. Тот сделал шаг вперёд и в сторону. Сергей вразвалочку вышел из строя. Повернулся и расплылся в улыбке, хотя глаза радости не выражали.

Командир оторвался от списка:

– Вы, чего, Вылегжанин, светитесь как медный пятак? Почему отказались отвечать на экзамене?

Николай с удивлением посмотрел на Серегу. Тот переступил с ноги на ногу и, продолжая улыбаться, с вызовом произнёс:

– А чё, воздух лишний раз сотрясать и время тянуть, когда письменный завалил!

– Это кто Вам такое сказал?!

– А я, чё, тупой чо-ли!? Сам знаю!

– Видимо не очень умный! Надо, Вылегжанин, быть бойцом и биться всегда до конца, не опускать руки! Вы письменный экзамен по математике на «хорошо» написали, поэтому, я не знаю, кто Вам сказал, что не сдали. Даже профессор удивился, что Вы отказались сдавать устную математику! Но, это ваше решение! – сказал командир и, посмотрев

в листок, называл следующую фамилию.

Улыбка сползла с лица Сергея, оно мгновенно посерело и вытянулось, в глазах заблестели слезы.

После построения хотелось поддержать товарища, сказать что-нибудь ободряющее, но Серёги нигде не было. Когда он пришел в казарму, глаза его были красны. Не говоря ни слова и, не смотря по сторонам, стал собирать вещи. Николай понял, что подходить к нему и что-то говорить, сейчас не стоит.

Из ребят, приехавших вместе с Николаем, экзамен по математике не сдали трое. Он не был в их числе, что его радовало. Сейчас они шестером сидели на скамейке под большим тополем на спортгородке и молчали. Рядом стояли вещи тех, кто сегодня убывал домой. Сидели молча.

– Вот ведь, гад, взводный! Считай, это он мне экзамен завалил! – нарушил молчание Серёга.

– А взводный здесь причём? – удивился Николай.

– Как причём? Он здесь как раз и причём! – разозлился Сергей и язвительно добавил, – Тебе, Колька, хорошо говорить «причём»! Сам же сказал, что сдал потому, что тебе профессор помог, бумажку с решением в стол подсунул! А у меня!..

И он махнул рукой.

Николай прикусил язык и с обидой подумал: «Вот ведь,

Серёга, сволочь, рассказал ему по секрету, а он всё переправал? Ведь всё не так было! Сам меня чуть не завалил, когда просил о помощи! А сейчас врёт и не краснеет! Подумают ещё ребята, что я и на самом деле какой-нибудь блатарь*!»

– Ведь мог бы мне сказать, что я письменный экзамен сдал! – после некоторой паузы продолжил Сергей, – Так нет! Жда-ал, чтоб я от экзамена отказался! А сегодня на плацу издевался надо мной!

– Никто над тобой не издевался! – повернувшись к нему, резко сказал Лёшка, – Сам виноват! Нечего было стонать: «Не сдал! Не сдал!» А сейчас ищешь виноватых! Сам виноват!

Серёга сник и больше ничего не говорил. Наступила пауза. Стало как-то неловко. «Скорее бы уж подосвиданькались, да уходили!» – подумал Николай, а в слух спросил:

– Когда у Вас поезд?

– Вечером в семь часов! – ответил Игорь.

Вновь все замолчали.

– Молодые люди! – услышали они незнакомый, с южным говором голос. Перед ними стоял невысокого роста, загорелый до черноты, мужчина в белых ботинках, отутюженных светлых брюках и белой рубашке, – Здравствуйте!

– Здравствуйте! – сказали ребята.

– Извините, я невольно услышал ваш разговор и у меня к вам есть деловое предложение!

Увидев, что ребята с интересом приготовились слушать,

незнакомец продолжил:

– Я так понял, что среди вас есть те, кто не сдал экзамен и сегодня уезжают домой?

Сергеа кивнул.

– Так вот! Если хотите, то можете поступить в училище!

Ребята удивленно посмотрели на него.

– Нет! Нет! – улыбнулся он, не в это, но тоже в артиллерийское, в Тбилисское!

Он протянул им несколько черно-белых бумажек, которые до этого держал в руке.

– Вот, посмотрите! Подумайте! Очень хорошее училище, тоже учиться четыре года! А го-оро-од!.. – он причмокнул языком, – Тбилиси! Тепло! Фрукты! Девушки!

Он вновь причмокнул:

– Подумайте! Если надумаете, меня до пяти часов можно найти здесь.

Когда он отошёл к другой группе ребят, Николай посмотрел в бумажку, которую в руки ему сунул незнакомец и вслух прочитал:

– Тбилисское высшее артиллерийское командное Краснознаменное училище имени двадцати шести Бакинских комиссаров. ТВАККУ.

– Ничего себе! – воскликнул Юрка, – А я и не знал, что в Тбилиси артиллерийское училище есть! Чего ж тогда эти грузины в смешной форме сюда приехали, а не захотели поступать у себя?

– Да кто их поймет? – улыбнулся Лёшка, – Одно слово – чурбаньё!

– Знаете, что, мужики! – оживился Серега, – А я, наверно, съезжу в Тбилиси! Денег, думаю, у меня на билет хватит, документы есть, родичи меня пока не ждут! Вдруг и на самом деле этот «копчёный» чувак дело сказал?! А?

Игорь сбегал к Техноложке* за мороженым (он уже не боялся выходить за ворота, всё равно сегодня домой) и они ещё долго сидели, обсуждая свои проблемы.

Вечером на плацу, во время вечерней поверки, стало заметно, что ряды абитуриентов сильно поредели. Осталось меньше половины. Не видно было и грузин в смешной форме, правда, Юрка, который теперь стоял рядом с Николаем во второй шеренге, показал ему на одного, в другой батарее. Их замкомвзвод и ефрейтор Лизунов несмотря на то, что поступали из войск, первый экзамен сдали успешно, чему Николай был рад. Он начал привыкать к ним и считал, что по сравнению с другими комодами и замками (абитуриенты про себя так называли замкомвзводов и командиров отделений), эти были справедливее, не имели любимчиков и ко всем относились одинаково.

Николай втянулся в абитуриентскую жизнь, ещё далекую от военной, но в то же время уже и не гражданскую. Дни проходили один на другой. Стёрлись из памяти имена и фами-

лии товарищей, не сдавших экзамены. Никого уже не интересовало, уехал Сергей в Тбилиси или вернулся домой. Думать об этом было некогда, каждый, как марафонец, прошедший самый сложный этап, стремился успешно выйти к финишу.

Экзамены по русскому языку и физике у Николая затруднений не вызвали. Физической подготовки он тоже не боялся. На перекладине мог не только подтягиваться, но и делать шесть раз подъём переворотом. Километр, хоть и проводился под проливным дождем вокруг бывшего манежа, где в старые времена юнкера обучались верховой езде, а сейчас располагался спортзал и учебные классы, Николай пробежал на отлично, в первой пятёрке. Немного расстроился из-за стометровки, хотя, честно говоря, в школе тоже бегал её неважно. Но в целом физо (так в училище называли физическую подготовку) сдал на хорошо. Из медкомиссии запомнился только психиатр! Когда Николай зашёл к нему в кабинет и протянул карту медицинского осмотра, врач пристально посмотрел на юношу:

– Травм головы не было?

– Не-ет!

Доктор что-то записал в бумагу и, не поднимая взгляда, вдруг резко спросил:

– Быстро! Чем отличается рыба от подводной лодки!?

– Она живая! – не задумываясь, почти выкрикнул Николай.

Врач поднял голову, протянул карту:

– Молодец! – и с улыбкой добавил, – Соображаешь!

Кормили абитуриентов не очень! Как шутили они между собой: «На первое вода с капустой, на второе капуста без воды, а на третье вода без капусты!» Поэтому первое время, пока были деньги Николай, как и все, бегал в чипок*. Самое желанное место в училище. На курсантском языке он расшифровывался как: "Чрезвычайная Индивидуальная Помощь Оголодавшему Курсанту". Покупал бутылку молока или кефира и какое-нибудь пирожное или пряники. Но деньги быстро кончились, пришлось есть то, что давали в столовой. Конечно, это разительно отличалось от домашней еды. Поэтому, похлебав супа и поковыряв второе, чтобы насытиться, набивали живот хлебом, запивая его компотом или чаем. Радовало то, что каждое утро давали кусочек масла, а в субботу и воскресенье еще и по куриному яйцу.

В это воскресенье все сидели по классам, выходить на улицу запретили. Можно было только при необходимости подняться в казарму, ну и, конечно, в столовую на приём пищи. Все знали, что сегодня в училище выпуск.

От грянувшего марш училищного оркестра задребезжали стёкла. Абитуриенты, до этого сидевшие за партами, сорвались с мест и, опережая друг друга, бросились к окнам. В классе возникла суматоха, поднялся шум. Чтобы хоть что-то увидеть, многие запрыгивали на спины впереди стояв-

ших товарищей. Под звуки оркестра из арки выходили строи офицеров в парадной форме и становились перед трибуной в линию взводных колонн. Окна класса находились почти над уровнем плаца, поэтому всё рассмотреть не представлялось возможным, но даже увиденное, привело юношей в восторг.

Резкий звук удара деревянной указки о стол и громкий окрик замкомвзвода: «Сели все по своим местам!» – заставил ребят опомниться. Нехотя заняли свои места. Шум в классе постепенно стих.

– Това-аришц сержант! – придав голосу грусть и лесть в «одном флаконе» затянул ефрейтор Лизунов, – «Ребятам посмотреть хочется! Когда они ещё увидят!? Может только свой выпуск, а те, кто не сдаст экзамены...?»

Сержант молчал, пощипывая усы.

– Давайте, как-нибудь, потихонечку! – поддержал ефрейтора командир соседнего отделения.

– Из нашей казармы плац не виден... – как бы про себя начал замкомвзвод, – Из коридора тоже! – он посмотрел на взвод и уже увереннее продолжил, – Поэтому по одному отделению, кто хочет посмотреть, вместе с командиром, на десять минут поднимаются в казарму второй батареи ...

– Ну-у, това-аришц сержант, ма-ало... – начал, было, Лизунов.

Сержант ударил ладонью о стол и резко оборвал:

– Десять минут и попробуйте опоздать! – взглянул на часы, – Командир первого отделения! Время пошло!

Не дожидаясь дополнительной команды, абитуриенты первого отделения выскочили из-за столов и кинулись к двери. Сержант поморщился, хотел что-то сказать, но промолчал.

Третье отделение, в котором находился Николай, пришло в казарму соседней батареи, когда выпуск был уже в самом разгаре. Найдя свободное место у окна, Николай с интересом стал смотреть на плац. Трибуна, в центре, была пуста. Возле неё сверкал начищенными инструментами и аксельбантами оркестр. Перед строями выпускников, отливающими новенькой парадной формой цвета морской волны, и горящими на солнце золотыми погонами, ремнями и начищенными до зеркального блеска сапогами, находились столы, с разложенными дипломами и значками. Возле них стояли офицеры с множеством наград на кителях и убелённые сединой ветераны с рядами орденских планок на гражданских пиджаках. Чуть дальше, занимая почти всю оставшуюся часть плаца, пестрой толпой располагались родители, жёны, и девушки выпускников. Новоиспеченные офицеры чётким строевым шагом подходили к столам. Приложив правую руку к головному убору, докладывали, получив диплом и значок об окончании училища, поворачивались, и становились в строй. Это действо завораживало и восхищало молодых ребят, смотрящих на это из окон. Придавало уверенности в правильности выбранного пути.

На левом фланге выпускников внимание Николая при-

влёк строй, который разительно отличался от других. Он насчитал двадцать пять человек. Белые фуражки с золотыми листьями на козырьках и чёрная морская форма смотрелись здесь немного неуместными, но выглядели красиво и притягивали взгляд.

– А это кто? – дотронувшись до рукава командира отделения, стоявшего рядом у окна, спросил Николай и показал пальцем на строй морских офицеров.

Не поворачивая головы, всезнающий Лизунов уверенно ответил:

– Эти ребята в морскую пехоту попали!

Повернулся и, усмехнувшись, добавил:

– Не позавидуешь! Служба – писе-ец!

Николай же заврожено смотрел на молодых офицеров в сверкающей парадной морской форме и думал: «Вот бы мне повезло после выпуска попасть в морскую пехоту!»

Наконец, настал день мандатной комиссии. «Всё! Экзамены, проверка здоровья и физической немоци позади. Можно выдохнуть и расслабиться, кто не сдал, уже уехал домой!» – так думал Николай, проснувшись этим утром с хорошим настроением. Но командир взвода на построении немного поубавил радости:

– Вы, товарищи абитуриенты, не лыбьтесь, а отнеситесь к предстоящей мандатной комиссии серьёзно! Это для вас тоже экзамен, может самый решающий! От ваших ответов

зависит ваша судьба! На ней будет присутствовать начальник училища генерал-майор Сергиенко. Поэтому, докладывать ему! Входите строевым шагом и громко, чётко: «Товарищ генерал-майор, абитуриент Пупкин на мандатную комиссию прибыл!» Всем понятно?!

Он посмотрел на молчавший взвод и, показав на самого левофлангового, невысокого мальчишку с рябым лицом, скомандовал:

– Абитуриент Алексеев!

– Здесь! – крикнул тот после небольшого замешательства.

Взводный поморщился.

– Не «Зде-есь» и не «Зде-еся», не «Тут», и не «Тута»! – приподнял голову, принял положение строевой стойки, – Запомните! Когда услышите свою фамилию, надо «есть глазами начальство» и бодро, громко отвечать – «Я»!

Сделал небольшую паузу и вновь, почти крикнул:

– Абитуриент Алексеев!

– Я!

– Повторить, как будете докладывать!

Алексеев вытянулся в струнку и громко, чеканя каждое слово, произнёс:

– Товарищ генерал-майор, абитуриент Пупкин на мандатную комиссию прибыл!

Взвод покатился со смеха. Командир улыбнулся, затем, приняв строгое выражение лица, выждал несколько секунд и грозно произнес:

– Всё! Прекратить ржание!

Смех прекратился, хотя лица ребят всё ещё расплзались в улыбке.

– Вы что думаете? Только Алексеев так ответил? Да половина, стоящих в строю, ответила бы точно так же! Поэтому, прежде чем что-то сказать, подумайте! А если сомневаетесь, мысленно просчитайте до трех, а потом говорите!

Эту первую науку: «Прежде чем что-то говорить – думать!», Николай запомнил крепко и это ему не раз пригодилось.

Еще накануне мандатной комиссии Николай, Лешка и Юрка, те, кто вместе приехали из одного города, решили, что будут проситься в один взвод и только в огневики*. Пока сдавали экзамены, они узнали, что училище готовит не только огневиков, кто непосредственно стреляет из пушек, но и офицеров артиллерийской инструментальной разведки (слово инструментальной было им не понятно и пугало), а также офицеров радиолокационной разведки. Огневики на училищном сленге называли – кувалдометры. Курсантов артиллерийской инструментальной разведки (АИР) – кочкалами, а радиолокационной – паяльниками.

Николай вошел в класс. На небольшом возвышении за длинным столом находилось несколько старших офицеров. В центре сидел плотный, черноволосый человек с острым

носом и погонами генерала. «Начальник училища!» – догадался юноша и, сделав три строевых шага, громко, разделяя слова, доложил:

– Товарищ генерал-майор, абитуриент Виноградов на мандатную комиссию прибыл!

Наступила пауза. Члены мандатной комиссии смотрели на него и ничего не спрашивали. Наконец, сидевший справа от генерала полковник с рыхлым лицом, повернулся к начальнику училища и что-то сказал. Тот кивнул.

– Виноградов, а среди Ваших родственников есть артиллеристы? – спросил полковник ласково.

– Никак нет! – по-военному, как учили, ответил Николай.

– Так почему же Вы поступаете именно в это училище? – так же ласково продолжил офицер.

Такого вопроса Николай не ожидал, он был готов ответить: «Почему выбрал профессию военного?» или «Кто ваши родители?» или «Были ли приводы в милицию?», а вот вопрос «Почему выбрал именно это училище?» прозвучал для него как-то неожиданно. Юноша смутился. Но тут же вспомнил, чему только что учил командир взвода: «Прежде чем что-то сказать, подумайте! А если сомневаетесь, мысленно просчитайте до трех!

Николай стал про себя считать: «Раз, два...»

– Ну, что-же вы, Виноградов? – строго спросил полковник.

– Когда папа меня в первый раз привёз в Ленинград, –

начал неуверенно Николай, – Мы проходили по Московскому проспекту и я увидел красивое здание с пушками. А когда прочитал на вывеске, что это Ленинградское артиллерийское училище, решил поступать в него!

Сказав это, замолчал, но тут же уверенно добавил, – Я много читал об артиллеристах, фильмы смотрел!

– Хорошо! – опять ласково сказал полковник, – А, что читали?

«Вот ведь привязался! Завалить меня хочет!» – зло подумал юноша и лихорадочно стал вспоминать, что он читал об артиллеристах.

– О капитане Тушине. В книге Льва Николаевича Толстого «Война и мир»!

– Хорошо! – не унимался полковник, – А ещё?

«Вот ведь пристал!» – судорожно вспоминал Николай, что же ещё он читал про артиллерию.

Спас его начальник училища. Генерал встал из-за стола.

– Ладно-ладно, Алексей Николаевич, совсем мальчишку замучил! – сказал он, снимая китель и вешая его на спинку стула.

Вышел из-за стола и, обращаясь к кому-то, находящемуся сбоку от Николая, спросил:

– Как у него с математикой?

– Отлично, товарищ генерал! – услышал Николай знакомый голос.

Обернулся. Справа от двери (когда зашёл в класс, не за-

метил) за столом с бумагами стоял прапорщик, который принимал у него документы в самый первый день.

– А физика? – вновь спросил начальник.

Прапорщик, чуть наклонив голову, взглянул в листок и тут же, подняв её, произнес:

– Отлично!

Генерал повернулся к членам мандатной комиссии:

– Я предлагаю в радиолокационную разведку! Возражений нет?

Члены комиссии молчали. «Как же так! Ведь я хочу в огневики!» – чуть не закричал Николай, но он вновь мысленно просчитал до трех.

Генерал подошел к своему месту и отодвинул стул.

– Товарищ генерал! – робко начал Николай.

Начальник училища поднял голову и посмотрел на него.

– Товарищ генерал! А можно в огневики!? – осмелев, спросил юноша.

– Вы, наверное, не знаете юноша, что среди пехоты, артиллеристы всегда были интеллигенцией, «белой костью», так сказать! – начал генерал медленно. Улыбнулся и продолжил, – А среди огневиков, артиллерийские разведчики, не только «белая кость», но ещё и «голубая кровь»!

Он сел за стол.

– За шнурок дергать и управлять огнём вас тоже научат! Не переживайте! Но, кроме этого, вы в совершенстве узнаете и науку артразведки! Вот так!

Сделал паузу и отрубил:

– В радиолокационную разведку! Всё! Идите!

– Есть! – ответил Николай и, повернувшись, вышел из класса.

– Ты чё так долго? – спросил его в коридоре Лёшка.

– Да-а! Генерал в «паяльники» записал! – расстроено ответил Николай.

– Ла-адно! Не расстраивайся! Всё равно же в училище будешь учиться! – успокоил его товарищ.

Окончательно Николай успокоился, когда узнал, что и Лёшка тоже был распределен в радиолокацию. Только Юрка попал в огневики.

В этот же день их распределили по батареям и взводам. Николай и Алексей оказались в первой батарее, но в разных взводах, а Юрка в третьей. Командиром взвода у Николая был всё тот же старший лейтенант Чибисов. Заместителем командира взвода – морячок, которого он видел в первый день, Воронин Саня (к нему сразу прилипло прозвище – «Морской»). Командиром его отделения – назначили Данилова Игоря – высокого, крепкого парня, бывшего Калининского суворовца. Усатый сержант, который до этого исполнял обязанности замкомвзвода, и ефрейтор Лизунов попали в другие взвода. Всем выдали выстиранное и бывшее в употреблении хлопчатобумажное обмундирование (ХБ*), пилютки, поношенные, но отремонтированные сапоги, кожаные ремни с желтыми бляхами, вещевые мешки, шинели.

Новыми были только погоны, петлицы, две пары золотистых пушек, красная звёздочка на пилотку, летние портянки, кусок белой материи и две иголки.

Всю оставшуюся часть дня ребята, помогая друг другу, и в кровь, искалывая пальцы, неумело пришивали погоны, петлицы, подшивали воротнички, с усердием гладили обмундирование. Не обошлось без подпалин на одежде, криво пришитых подворотничков и погон. Те, кто уже вкусил «преlestи» армейской службы, не стесняясь, показывали тем, кто поступил с гражданки, как правильно всё пришить, ведь многие держали иголку в первый раз. Причёски приобрели единый фасон – под «Котовского»*, то есть наголо, только суворовцам разрешили небольшой «ёжик», да тем, кто поступил из войск – короткую причёску. Ребята, теперь уже «товарищи курсанты», смотрели друг на друга и с трудом узнавали.

Замкомвзвод – Сашка-«Морской», проверив у Николая правильно ли пришиты погоны, петлицы и подворотничок, протянул ему конверт без марки и нравоучительно сказал:

– На! Письмо обязательно напиши домой. Сообщи адрес

...

Он назвал адрес и, подумав, добавил:

– Да не забудь на присягу родителей пригласить! Она, кажись, пятого августа будет! Это дело такое, раз в жизни бывает! Запомни, салага!

Николай в письме вкратце описал всё, что с ним произо-

шло за время пребывания в училище. Получилось достаточно много, страницы три. Начал письмо, после того как перечислил всех, с кем поздоровался, так: «Всё! Можете меня поздравить! Я – КУРСАНТ!», а закончил словами: «Завтра убываем на месяц в Лугу. Присяга, говорят, вроде, 5 августа. Приезжайте! Более точную дату напишу позже. Пишите мне на адрес...» Сложил аккуратно письмо и положил в конверт. Проведя языком по клейкой поверхности конверта, заклеил его. Написал адрес с литером батареи и только тут заметил, что на конверте нет марки. Мелькнула мысль: «Без марки не дойдёт!»

– Товарищ сержант! – обратился он к проходящему мимо замкомвзводу.

Тот остановился. Николай показал конверт:

– Товарищ сержант, а марку где можно взять?

Сашка-«Морской» улыбнулся, аж крякнул:

– Ну, ты, Колька, сала-ага! Всему-то вас учить надо! Письмо курсанта, как и солдата без марки принимают, только печать треугольную ставят, что, мол, это письмо солдатское. Поэтому не переживай, клади его на тумбочку к дневальному, там уже много писем лежит!

После ужина батарею сводили в баню, расположенную на Московском проспекте недалеко от универсама «Фрунзенский». На всё про всё дали сорок минут. Помывшись под душем, облачились в казенные трусы и майку. Надели форму и

почувствовали, что в жизни наступает очередной неизвестный этап и всё, что было до этого ушло в прошлое. Да ещё замкомвзвод, прищулив глаза и с наслаждением затягиваясь сигаретой, не то с иронией, не то серьёзно сказал:

– Ну, что, «салаги», крещение прошло успешно? Все гражданские грехи смыли?! Теперь жизнь можно заново начинать!

Из казармы вынесли лишние кровати, стало намного просторнее. Окна, выходящие на Московский проспект, на ночь открыли, было душно. Стояла пора белых ночей. Свет от уличных фонарей рисовал на потолке причудливые картины из гигантских цветов. Ветер, слегка трогая шторы, доносил приглушенный голос уснувшего Ленинграда. Изредка идилию нарушал лишь гул проезжающей по проспекту машины.

После отбоя офицер, проводивший вечернюю поверку, ушёл домой, но в казарме никто не спал. Завтра убытие в Лугу. Начинался новый этап – КМБ (курс молодого бойца). Николай, лежа в кровати, тихонько разговаривал с соседом, светлым, жилистым пареньком, родом из Карелии. Звали его Трофимов Андрей. Оказалось, что он тоже поступал в Калининское суворовское училище, но, как и Николай не поступил. Нашлись общие темы, даже знакомые. Было как-то легко и спокойно. Вдруг из коридора донесся шум и голоса. Человек пять курсантов старшего курса вошли в казарму и, не включая свет, закричали:

– А ну, курощупы, подъём! Пришло время учиться военному делу настоящим образом!

В сумраке казармы было видно, как дежурный по батарее, бывший суворовец, попытался остановить их, но отодвинутый в сторону, немного потоптался у входа, а затем исчез. Старшекурсники двинулись вдоль рядов кроватей, стуча по ним ногами и срывая одеяла. Некоторые из ребят нехотя начали вставать и одеваться.

– Второй курс из отпуска приехал! – шёпотом сказал Андрей, – Придурки конченные! Наверно наряд по столовой! Картошку сами чистить не хотят, поэтому к нам припёрлись! Сейчас нас «на вшивость» проверяют! Кто послабее, пойдёт картошку чистить!

– А ты откуда знаешь? – так же тихо спросил Николай.

– Зна-аю! – загадочно ответил тот и продолжил, – Ты, Колька, не бойся и, если что, не поддавайся, давай вместе держаться!

В это время к ним, ударяя сапогом по кроватям, приближался второкурсник. Подойдя, он пнул по ножке кровати, на которой лежал Николай.

– Эй, «курощуп», тебе, что, особое приглашение надо!? Подъём!

Страху не было. Стало даже интересно. Если бы пришлось драться, то Николай был готов к этому, ведь не зря же он несколько лет занимался боксом. Не спеша откинул одеяло, освободив руки, и спокойно спросил:

– А, что такое «курошуп», товарищ курсант?

Старшекурсник замялся. Наступила пауза. Тогда Николай демонстративно повернулся набок, всем своим видом показывая безразличие, и подложил руку под голову. Но в голове его лихорадочно зрел план дальнейших действий, так как для себя решил – ни за что не идти на поводу у этих придурков. Через мгновение почувствовал, как второкурсник схватил его за плечо и нарочито громко, видимо, стараясь привлечь внимание своих товарищей, закричал:

– А ну, бѳрзый*, вставай!

Николай рывком сел на кровати и, стараясь говорить уверенно, произнес:

– Я ж тебя, товарищ курсант, спросил, что такое «курошуп»? А ты молчишь! Что ты ещё хочешь?!

Старшекурсник посмотрел по сторонам, рядом никого из его товарищей не было. Тогда он вновь громко крикнул:

– Пошли военному делу учиться!

Почувствовав в его голосе неуверенность, Николай уже издевательски сказал:

– Ну во-от, другое дело! Теперь понятно! Но раз ты такой военный, спроси у моего командира! Прикажет, пойду!

И откинувшись на подушку, повернулся на бок и закрылся одеялом.

– Ну-у, ты, бѳ-орзый! – завизжал задохнувшийся от злобы второкурсник, – Я сейчас кэ-эк сниму ремень, да кэ-эк бляхой тебе в лоб закатаю...

– Слышь, ты, угроза империализма! – прервал его, севший на кровати Андрей, – Тебе ж русским языком сказали, все вопросы к нашему командиру. А ремнем по роже, и ты можешь получить! Вот смеяться все будут – «курошупы» такого грозного воина, как ты отходили! А?!

– Ну, бõрзые! Вы сейчас получите! Всё, вам конец! – взвизгнул курсант и побежал в коридор.

– Ну вот! – спокойно сказал Андрей, – Враг бежит! Что и требовалось доказать: если сам бздишь, нечего строить из себя начальника! Давай спать!

– Андрюха! А почему он нас «курошупами» назвал?

– Ну, это они, видимо, придумали, вроде как мы ещё не курсанты, но уже и не абитура!

– А почему мы не курсанты? Ведь экзамены сдали, форма и всё такое!

– Ты, что, Колька, пока присягу не приняли, в любое время можешь слинять из училища и тебе за это ничего не будет! Вот посмотришь, на КМБ найдутся такие, которые сдрейфят и слиняют к мамочке!

В коридоре вновь послышался шум. Николай узнал голос усатого сержанта:

– Я сказал, из батареи никто с вами не пойдёт! Понятно?!

В ответ раздалась ругань и угрозы.

– Давай сходим, посмотрим, что там! – предложил Андрей.

В коридоре у тумбочки дневального, в штанах и тапоч-

ках на босу ногу, стояли все замкомвзвода батареи. Напротив них пять второкурсников. Чуть в стороне с десятков одетых ребят из их батареи.

– Я ещё раз повторяю! – вновь твердо сказал усатый, – Никто никуда не пойдёт!

Группа ребят попытались зайти обратно в спальное помещение.

– Стоять! – закричал самый крепкий из старшекурсников.

Они в нерешительности остановились и посмотрели на своих командиров.

– Я ещё раз повторяю, никто не пойдёт! – громко произнёс сержант и усы его зло затопорщились.

– Сержант! Ты чё! – улыбаясь, начал крепкий второкурсник, – Сам же «духом»* был! Этих «салаг»* учить надо, чтобы настоящими мужиками стали! Кто как не мы их учить будем! Всего-то, пойдут в столовую, почистят картошку! Сами же утром её трескать будут! Верно?!

Усатый сержант молча выслушал тираду, погладил усы:

– «Духи» здесь, как я вижу – пока вы! Поэтому не вам их учить! Идите отсюда, никто с вами не пойдёт!

Это для второкурсников была самая настоящая оплеуха, ведь пока приказа о их зачислении на второй курс не было, они и на самом деле оставались всё ещё первокурсниками – самыми младшими в училище.

Здоровяк от злобы чуть не захлебнулся. Зло скривился и, оглядываясь на коридор, угрожающе выговорил:

– Ты зря это сказал, сержант! Как бы не пожалел!

И тут Николай увидел, как в конце коридора показалось с десяток, быстро идущих к ним курсантов. «Кажись, их этот позвал, который от нас с Андрюхой убежал!» – подумал он.

Увидев это, здоровяк оскалил зубы и произнес:

– Ну вот и всё сержант, сейчас сам пойдёшь картошку чистить!

– Я, что сказал, быстро спать! – крикнул сержант, всё ещё стоявшим в нерешительности бывшим абитуриентам.

Но на шум из дверей спального помещения уже вываливались, одетые в трусы и майки ребята. Толпа второкурсников подошла вплотную и остановилась.

– Которые тут бóрзые?! – басом спросил второкурсник с погонями младшего сержанта. Был он атлетического телосложения, ушитая форма сидела идеально, от него так и исходила уверенность и сила. Курсант, который до этого пытался поднять Николая с кровати, выйдя на шаг вперёд, стал внимательно вглядываться в лица замерших ребят. У Николая внутри похолодело: «Сейчас этот придурок покажет на меня!» Он понял, что не сможет противостоять этому «атлету» с лычками младшего сержанта и, как безропотный ягнёнок, пойдёт с другими, такими же, как он, струсившими ребятами, на кухню и будет безропотно чистить картошку, да может ещё и схлопочет. И никто за них не заступится!» Стало почему-то обидно и противно от своей слабости перед силой и наглостью старшекурсников. Однако, пока у него в го-

лове роились эти мысли, усатый сержант небрежно отодвинул в сторону, рассматривавшего их второкурсника, и, обращаясь к «атлету», спокойно произнес:

– Мужики, давайте закончим разговор миром. Из нашей батареи никто с вами не пойдёт!

Николай не поверил своим ушам: «Их сержант, заступается за них, рискуя сам получить по морде!»

– Это кто так решил?! – пробасил «атлет».

– Я, замкомвзвод второго взвода гвардии сержант Чеботарёв! – с вызовом ответил усатый.

«Вот это сержант!» – пронеслось в голове Николая, – «Настоящий мужик!» Ему стало стыдно за себя, за свою секундную слабость и трусость. «Атлет» усмехнулся:

– Ну, что ж, гвардии сержант, давай! Ты сержант, я младший сержант! Проверим кто из нас прав!

Он скинул с себя китель, сунув его тому, кто привёл их сюда и встал в стойку. Николай, увидев обнаженный торс «атлета», грустно подумал: «Да-а, нашему сержанту придётся туго!» Наступила тишина.

Сержант не спеша снял майку, сделал шаг вперёд и тоже встал в стойку:

– Давай!

Вокруг них тут же образовался круг. Не пацаны на школьном дворе, а два здоровых крепких мужика стояли напротив друг друга в боевой стойке, не решаясь нанести первым удар. Прошло несколько секунд. Наконец «атлет» сделал несколь-

ко шагов влево, выпад вправо и ударил сержанта в голову. Тот покачнулся и кинулся на противника, по-мужицки размахивая руками. «Атлет», улыбаясь, ловко увернулся и сделал выпад в другую сторону. Из разбитой губы сержанта брызнула кровь. Не обращая внимание на это, Чеботарев продолжал размахивать руками, стараясь достать противника. Несколько раз его кулаки вскользь достигали цели, не причиняя большого вреда. Толпа курсантов с обеих сторон возгласами начала поддерживать своих сержантов. «Видно, этот старшекурсник занимался боксом!» – подумал Николай, – «Замесит он нашего сержанта!» В этот момент, атлет отпрыгнул в сторону от летевшего в него кулака. Сделал выпад, но, видимо, поскользнувшись на паркетном полу, на миг потерял равновесие. Кулак Чеботарёва влетел ему в ухо.

– Во-о! Как тебе?! Добивай его сержант!» – закричали ребята.

Но надо отдать должное «атлету» в умении боксировать. Он устоял и, поднырнув под очередной удар замкомвзвода, оказался у него за спиной. Несколько раз, приходя в себя, встряхнул головой. Улыбки на его лице уже не было, а ободренный успехом Чеботарёв, вновь, кинулся в атаку. «Атлет», видимо, понял, что ещё один такой пропущенный удар ему не перенести и пора прекращать этот «цирк». Несколько раз, увернувшись от летевших в него кулаков, он сделал выпад вперёд, поднырнул под руку сержанта и резко, с разворотом корпуса, ударил того в живот. Чеботарёв громко выдохнул

и сложился пополам, но не упал, а рухнул на колено и схватился за живот. Бока его вздымались. Из низко опущенной головы на пол капала кровь. Вокруг все молчали, ожидая, что будет дальше. «Атлет» стоял, опустив руки, и тоже тяжело дышал. Наконец, сержант поднял голову. «Атлет» молча, подошёл к нему и протянул руку.

– Ладно! – примирительно сказал он, – Погорячились! Я вижу ты и на самом деле «гвардии сержант»! Не обижайся!

Сержант пристально посмотрел на старшекурсника и, ослабившись разбитым ртом, тоже протянул ему руку.

– Всё, пошли! – сказал «атлет» своим товарищам, когда сержант встал на ноги.

Это произошло как нельзя кстати, так как выскочивший откуда-то дежурный по батарее приглушённым голосом закричал:

– Атас, мужики! Дежурный по училищу идёт!

Все кинулись в спальное помещение по своим кроватям.

Больше к ним в батарею никто не приходил!

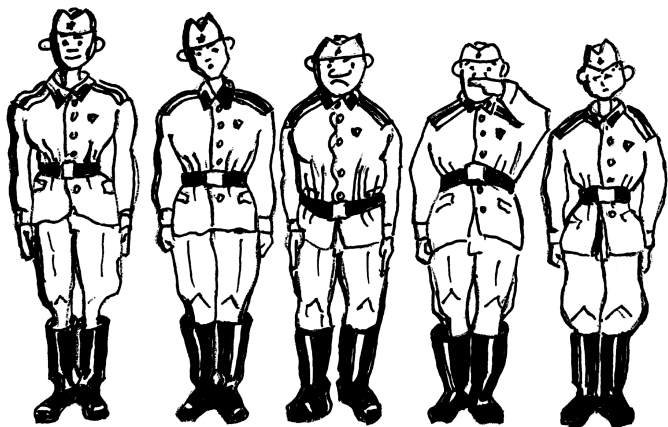
Уже лежа в кровати, Николай, вспоминая о недавнем происшествии, как бы подводя итог, мысленно сам себе сказал: «Сегодня, Коля, если бы не сержант, тебя бы сломали. В другой раз такого сержанта рядом может и не быть. Поэтому, вот тебе ещё наука – всегда вести себя достойно перед силой и наглостью, иначе потеряешь самоуважение!» Он повернулся на бок, закрыл глаза и провалился в сон.

Так закончилась абитура, завтра начинался новый этап – КМБ.

Часть 3.

КМБ

*Заливал мне пот глаза,
Подгибались ноги,
Тяжелей чем Армия
Не встречал дороги!*
(Армейский фольклор)

Северное солнце, играя бликами в окнах, поднималось над Ленинградом. Легкая дымка белых ночей не спеша таяла в его ласковых лучах. Птицы, проснувшись в деревьях, где не колыбался ни единый листик, запели свои песни, приветствуя рождение нового дня. «Шух! Шух!» – разгоняя пыль, ритмично зазвучали по асфальту мётлы дворников. Поливальные машины, словно громадные «Мойдодыры» из сказки Чуковского, разбрызгивая тугие фонтаны радужных брызг, методично умывали пустынные улицы, на которых лишь кое-где можно было видеть спешащих прохожих, да

небольшие фургоны с надписью «Хлеб».

Вдруг, испуганно вспорхнули с ближайших тополей птицы. Загремели, открываясь ворота, с отливающими золотом перекрещенными артиллерийскими стволами. Нарушая идиллию субботнего утра, отражаясь эхом шагов от сонных зданий, из училища на Московский проспект шеренга за шеренгой выходил строй курсантов. В этих юношах с бритыми затылками, одетыми в одинаковую форму, уже невозможно было узнать вчерашних абитуриентов. Шло воинское подразделение с грозным названием «Первая батарея курсантов». Правда, офицеры, ведущие строй, понимали, что до настоящего слаженного подразделения было ещё ох как далеко. Они снисходительно улыбались, видя, как юноши, сбиваясь с ноги, стараются держать равнение и не отстать. Замечаний не делали, лишь изредка подавали команды: «Подтянись!», «Левое плечо вперед – Марш!», «Товарищи курсанты, не отстаём!».

Прошли по Московскому проспекту до универмага Фрунзенский, повернули на набережную Обводного канала. Вдали показалось величественное строение с башенкой и высокими овальными окнами. «Варшавский вокзал» – прочитал Николай громадные буквы сверху здания.

Вышли на перрон, где зелёной змеей замерла длинная электричка. В середине её курсанты с красными флажками стойко держали оборону у двух вагонов, не пуская в них назойливых пассажиров, при этом грозно покрикивая: «Про-

ходите, проходите граждане! Вагон занят! Воинские перевозки!»

Шумно ввалились внутрь электрички, пахнувшей прокуренными тамбурами, мазутом и свежим лаком. Разместились по трое на деревянных диванах, забросив вещмешки на верхние полки. Вошёл командир батареи со взводными, шум стал тише. Офицеры не спеша проследовали в середину вагона, степенно расположились на заранее оставленных для них местах. Дежурный по батарее с красной повязкой на рукаве, вскинув руку к пилотке, доложил командиру об организации службы. Комбат крикнул, разгладил длинные усы, торчавшие в разные стороны, за них ему сразу же дали прозвище «Таракан», но потом, когда узнали ближе, стали называть просто – «Комбат» или «Паша». «Паша», потому что звали его Пал Михалыч. Хотя, иногда, от злости и проскакивало ещё первое прозвище. С украинским говорком он произнёс:

– Добре! Дневальные до конца поездки смотрят, чтобы в тамбурах никого не было! Никому не курить! На остановках не выходить!

Сделал паузу, как бы спрашивая: «Всё понятно?»

Дежурный кивнул:

– Есть! Так точно!

– Командиров взводов из соседнего вагона ко мне с докладом!

– Есть!

Командир секунду подумал. Хлопнул жилистой рукой о костлявую коленку:

– Всё! Исполнять!

Дежурный, бросив правую руку к пилотке и ответив «Есть!», поспешил выполнять приказание.

Постепенно возбуждение ребят, вызванное ранним подъёмом и переходом от училища к Варшавскому вокзалу, сменилось апатией. Разговоры затихли, а затем и вовсе прекратились. Кто-то молча смотрел в окно, кто-то втихаря жевал, но большинство, прислонившись друг к другу, спали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.